

УДК 930.85
ББК 63.3(2)

К проблемам периодизации и особенностей российского Просвещения

М.А. Широкова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

On the Problems of Periodization and Features of the Russian Enlightenment

M.A. Shirokova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В связи с концепцией «нового Просвещения», сформулированной в недавнем юбилейном докладе Римского клуба, автор статьи анализирует феномен Просвещения в России. Рассматриваются точки зрения отечественных и зарубежных исследователей по вопросам позитивных и негативных сторон Просвещения, о причинах кризиса «классического» Просвещения и необходимости его обновления. Одна из важнейших проблем европейского Просвещения XVIII в. – кризис общественной морали. Просветители заимствовали нормы и ценности традиционной морали из религиозного сознания, но стремились совместить их с установками на рационализацию и секуляризацию общества и человека. В России данная тенденция также имела место, но для русского Просвещения характерны более выраженный аксиологизм, ориентация на взаимное дополнение нравственных ценностей, научного знания и социально-политического прогресса.

Автор также обращается к дискуссии о хронологических рамках российского Просвещения, выделяя три его этапа: христианизация Древней Руси; европеизация Российской империи XVIII в.; формирование самостоятельной науки, культуры и философии с 30-х гг. XIX в. Кроме того, в статье говорится о диалектическом единстве и борьбе культурной и цивилизационной парадигм в Просвещении России. Делается вывод о том, что русская философия, созданная в полемике славянофилов и западников, реализовала мысль Канта о сущности Просвещения – умении пользоваться собственным разумом.

Ключевые слова: национальное самосознание, Просвещение, славянофильство, западничество, русская культура, русская философия, история политической мысли.

In connection with the concept of the "new Enlightenment" formulated in the recent anniversary report of the Club of Rome, the author of the article analyzes the phenomenon of the Enlightenment in Russia. The points of view of domestic and foreign researchers on the positive and negative aspects of the Enlightenment, the reasons for the crisis of the "classical" Enlightenment and the need for its renewal are considered. One of the most important problems of the European Enlightenment of the 18th century – the crisis of public morality. The enlighteners borrowed the norms and values of traditional morality from religious consciousness, but sought to combine them with the guidelines for the rationalization and secularization of society and man. In Russia, this trend also took place, but the Russian Enlightenment is characterized by a more expressed axiologism, an orientation towards the mutual complementarity of moral values, scientific knowledge and socio-political progress.

The author also refers to the discussion about the chronological framework of the Russian Enlightenment, highlighting its three stages: Christianization of Ancient Rus; Europeanization of the Russian Empire in the 18th century; the formation of an independent science, culture and philosophy since the 1830s. In addition, the article talks about the dialectical unity and struggle of cultural and civilizational paradigms in the Enlightenment of Russia. It is concluded that the Russian philosophy, created in the polemics of Slavophiles and Westernizers, realized Kant's idea of the essence of Enlightenment – the ability to use one's own mind.

Key words: national identity, Enlightenment, Slavophilism, Westernism, the Russian culture, the Russian philosophy, history of political thought.

DOI 10.14258/izvasu(2020)5-09

Осмысление феномена Просвещения в истории российской и мировой культуры, науки, образования, политики получило новый импульс после появления юбилейного (на данный момент последнего) доклада Римского клуба под названием «Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты». Доклад, представленный на рубеже 2017–2018 гг., был написан двумя президентами Клуба, Эрнстом Вайцзеккером и Андерсом Вийкманом, с привлечением 38 соавторов, 33 из которых – члены Клуба. В документе сказано о кризисном состоянии современного мира, дана нелицеприятная критика капитализма, либеральной идеологии и рынка. Критика во многом справедливая, но не о ней хотелось бы вести речь в нашем исследовании. К тому же Римский клуб – это организация, не всегда учитывающая в своих программных разработках интересы России. Тем не менее доклады Римского клуба во многом формируют повестку современной мировой элиты, повестку, по выражению самих авторов, «ответственного глобализма», таким образом, их необходимо анализировать.

В контексте нашей проблематики заслуживает внимания то обстоятельство, что «ключевым моментом» доклада является концепт «нового Просвещения». Для исследования Просвещения как социального и культурного явления в данной статье был использован диалектический метод, в том числе принцип единства и борьбы противоположностей. Другим методологическим ориентиром стал исторический подход, в соответствии с которым Просвещение изучается в его динамике, с вычленением этапов его развития и учетом конкретно-исторических условий. Применялись также методы сравнительного и комплексного анализа для выявления общего и особенного в различных концепциях Просвещения.

Если говорить об имеющейся обширной литературе по теме русского Просвещения, то в ней и в настоящее время можно вычленить элементы дискурса, начатого в XIX в. западниками и славянофилами. Некоторые исследователи рассматривают Просвещение в России как результат влияния общеевропейского культурно-исторического процесса, подчеркивая сравнительную слабость и подражательность идей русских просветителей по отношению к европейскому оригиналу и в то же время историческую неизбежность движения России по тому же пути (А.С. Ахиезер, В.К. Кантор, А.Н. Медушевский, А.Л. Янов [1–4]). Другие же видят в отечественном Просвещении самостоятельное явление культуры, отразившее прежде всего специфику российской ментальности (Ф.И. Гиренок, Н.П. Ильин, В.В. Кожинов, А.А. Корольков, Ю.М. Лотман, В.С. Непомнящий, С.С. Хоружий, В.И. Холодный [5–12]). Но при всем различии в оценках, боль-

шинство авторов говорят об эволюции просветительской мысли в России от «подражательности» к «самобытности». Наиболее отчетливо эта идея прослеживается в работах В.Ф. Пустарнакова [13, 14]. О комплексном влиянии внешних и внутренних факторов на становление русского Просвещения пишут современные исследователи Г.Ф. Перетяцкий и Т.П. Днепров [15, 16].

Зарубежные историки и философы, изучавшие различные формы Просвещения (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Х. Ортега-и-Гассет, Э. Кассирер [17–19]), выявляли диалектические противоречия в картине мира просветителей. Для преодоления этих противоречий в докладе Римского клуба и намечен образ «Нового Просвещения». Он «предполагает фундаментальную трансформацию мышления, результатом которой должно стать целостное мировоззрение». Мировоззрение «гуманистическое, но свободное от антропоцентризма, открытое развитию, но ценящее устойчивость и заботящееся о будущем» [20]. Целью «Нового Просвещения» Римский клуб провозглашает «комплиментарность и синергию через примирение противоположностей и достижение баланса в разных сферах человеческого существования» [20]. Принцип «баланса», упомянутый в тексте доклада, заставляет вспомнить знаменитый принцип «меры» или «золотой середины», принятый философами еще в Античности.

Не углубляясь в многообразие толкований тезисов программы «Нового Просвещения», присоединимся к мнению Г.Ф. Перетяцкого, который пишет: «Само появление такой программы с её идеями говорит о глубоком духовном кризисе современного общества, сформированного на принципах старого Просвещения со всеми его давно бросавшимися в глаза и до сих пор «вдохновляющими» Европу достоинствами, и постепенно проявившимися ограниченностями» [15, с. 62].

Среди «ограниченностей» старого Просвещения стоит выделить, в частности, кризис морали и социальных норм как таковых, поскольку авторитет морали трудно совмещается с представлением о человеке как естественном существе, о его естественной и неизменной, преимущественно биологической, природе. Отказ от противопоставления сущего и должного в человеческой природе означает, что индивид, с точки зрения философов-просветителей, никогда не был лучше и не будет. Однако именно такому индивиду рационально навязываются нормы морали, заимствованные из классической этики, что и предопределило крах проекта Просвещения и аномию морального сознания современного общества [21]. Об этом пишет, в частности, американский исследователь проблем современной этики А. Макинтайр, утверждающий, что проект Просвещения в обосновании морали был обречен [22]. Отметим, что пред-

ставители русского Просвещения, о которых пойдет речь далее, стремились предотвратить кризис общественной морали, придав просвещенческой идее прогресса аксиологическую направленность.

В дискуссию о позитивных и негативных сторонах прежнего Просвещения, его кризисе и необходимости формирования Просвещения «нового» уже несколько десятилетий назад включились и отечественные авторы. Разумеется, их исследовательский интерес сосредоточен главным образом на проблеме места и роли России в просветительском проекте.

В этой связи можно вспомнить идеи, высказанные в конце 1990-х – начале 2000-х гг. В.Ф. Пустарнаковым. В ряде своих работ, посвященных истории философии и политической мысли в России, ученый предлагал изменить представление о хронологических рамках русского Просвещения. Общепринятая точка зрения относилась отечественное Просвещение, как правило, ко второй половине XVIII – первой четверти (или трети) XIX в., а В.Ф. Пустарнаков, в противоположность большинству советских исследователей, считал, что Просвещение в нашей стране имело место в более позднее время [13, 14].

Отдавая должное происшедшему в XVIII – первой трети XIX в. процессу ускоренной европеизации страны, В.Ф. Пустарнаков отмечает, что просвещенческие концепции в России еще не созрели в этот период настолько, чтобы оформиться в самостоятельное направление, аналогичное французскому Просвещению. Занимая по данному вопросу «умеренно-западническую» позицию, автор указывает, что только французское Просвещение «стало Просвещением наиболее чистого, наиболее развитого, классического типа». Далее он пишет: «Соответственно другие национально-региональные разновидности Просвещения являются в каких-то отношениях «недопросвещением», а в других – «постпросвещением» [13, с. 61].

Таким образом, согласно концепции В.Ф. Пустарнакова, вызревание российского Просвещения начинается формальным этапом заимствований, к которому исследователь относит идеи А.Н. Радищева, Н.И. Новикова и других мыслителей. Отчасти полемизируя, отчасти соглашаясь с В.Ф. Пустарнаковым, Г.Ф. Перетятыкин характеризует этот этап как «вторичную внешнюю рефлексию» по отношению к столь же вторичной и внешней петровской европеизации России. Завершается же данный вторичный этап в 40-е гг. XIX в. С нашей точки зрения, этап не критического «подражательства» завершается несколько раньше, в 1830-е гг., когда можно говорить о появлении национального самосознания, достигшего вершин в русской классической литературе (прежде всего в творчестве А.С. Пушкина) и дошедшего уже до обобщений философского уровня [23].

Необходимо отметить также, что обозначенный В.Ф. Пустарнаковым рубеж возникновения самостоятельного Просвещения в России – 1840-е гг. – это время начала полемики западничества и славянофильства. Сам автор относит к числу деятелей русского Просвещения именно западников (В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, Н.Г. Чернышевского и др.). Что касается, славянофилов (А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина), то они, в концепции В.Ф. Пустарнакова, предстают как своего рода антипросветительское течение. Дело в том, что одной из черт классического Просвещения он называет антиклерикализм и антитеологизм. Следовательно, религиозная концепция просветительской быть не может, поскольку Просвещение предполагает сугубо рационалистические установки. Во многих современных исследованиях замечен отход от данного тезиса. Даже в упомянутом докладе Римского клуба авторы идеи «нового Просвещения» «обращают внимание на несправедливость критиков религии, не замечающих её позитивного вклада в человеческую цивилизацию» [20]. Г.Ф. Перетятыкин справедливо указывает, что «в оценке «позитивного вклада» и необходимости «религиозного Просвещения» «Римский клуб» повторяет то, что было давно ясно русским философам и писателям, носителям русского Просвещения [15, с. 63]. Необходимо вспомнить, что именно славянофилы являются родоначальниками русской философии [24].

Наряду с уточнением хронологических рамок российского Просвещения, предметом обсуждения современных авторов становится логика его развития и столкновение течений внутри него. Так, в работах Т.П. Днепровой славянофильство и западничество рассматриваются как выражение двух парадигм просветительского движения в России, своего рода диалектических противоположностей, постоянно борющихся, сменяющих и дополняющих друг друга – консервативной и либеральной [16]. В строгом идеологическом смысле, это не совсем так, поскольку в учении ранних славянофилов присутствовало множество либеральных ценностей, а в концепции западников (например, Б.Н. Чичерина) встречаются ценности «охранительные». Кроме того, комплекс идей, общих как для славянофильства, так и для западничества, включает значительную социальную составляющую. Не случайно А.И. Герцен писал о возможности примирения идейных противников на почве социализма [25]. Представляется более точным (как иногда и делает Т.П. Днепровая) назвать две парадигмы Просвещения в России «культурной» и «цивилизационной». Данные парадигмы содержат большое количество ценностных оппозиций. Предложим следующий ряд противопоставлений: «традиция» – «инновация», «национальное» –

«общечеловеческое», «воспитание» – «обучение», «внутреннее» – «внешнее», «ценности» – «знания», «мораль» – «право», «цели» – «средства», «содержание» – «форма» и т.д.

Борьба двух ценностных систем, представляя собой важный ресурс социального, политического и интеллектуального развития общества, достигла наибольшей отчетливости в спорах западников и славянофилов, но прослеживается на протяжении всей российской истории. Отсюда периодизация истории Просвещения в России может быть описана с помощью известной диалектической триады: «тезис – антитезис – синтез». Принцип триад, воспринятый из немецкой классической философии и наполненный «самобытным» содержанием, нередко использовали в своих историко-философских построениях славянофилы.

Вслед за представителями славянофильства можно считать, что первым этапом Просвещения в России, задолго до петровской модернизации, была христианизация. В.Ф. Пустарнаков, как уже было сказано, не рассматривает религиозные формы Просвещения и упоминает о христианских просветителях Древней Руси лишь «в качестве протеста против совсем «безразмерного» понятия «просветитель»» [13, с. 61]. Но понятие «просвещение» (или «образованность») в России XIX в., действительно, трактовалось чрезвычайно широко. В него принято было включать все проявления духовной (а зачастую и материальной) культуры. Таким образом, религия воспринималась как органическая часть первоначального просвещения, в котором разные сферы культуры еще не были разделены. Впрочем, славянофилы высоко ценили и то, что вместе с восточным христианством через Византию на Русь было привнесено наследие античности. Отсюда, по их утверждению, Византия в отечественной интеллектуальной истории сыграла ту же роль, что Древняя Греция и Рим – в истории стран Запада.

Вторым этапом Просвещения в нашей стране, после христианизации, стала европеизация XVIII в. с ее прорывом в науке, образовании и технике и в то же время отрицанием ценности прошлых исторических эпох, антитеологизмом, атеизмом, антифеодализмом и т.д. Здесь можно согласиться с В.Ф. Пустарнаковым, утверждавшим, что «просветительская философия – это философия, представляющая определенную совокупность анти-принципов» [13, с. 65]. Характерный для данного этапа просветительской мысли пафос отрицания позволяет обозначить его как антитезис по отношению к предыдущему, христианскому этапу. А.С. Пушкин писал: «Ничто не могло быть противоположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех на-

родов, а любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная» [26, с. 412]. Вместе с европеизацией и секуляризацией в сознании русского образованного общества происходит формирование негативной национальной идентичности.

На третьем же, самостоятельном этапе российского Просвещения, началом которого стали 30-е гг. XIX в., русская классическая литература, русская философия и наука продемонстрировали синтез элементов первого и второго этапов, синтез культурной и цивилизационной парадигм.

В этот период высшего развития российского Просвещения в нашей культуре и самосознании проявляется самая существенная черта Просвещения как такового, которую в свое время четко обозначил Кант в знаменитой статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?»: «Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». Известен и девиз Просвещения, сформулированный Кантом: «*Sapere aude!* – имей мужество пользоваться собственным умом!» [27].

Созданная славянофилами русская философия, представлявшая собой теоретически оформленное национальное самосознание, впервые дала возможность понять русскому человеку, что до сих пор он находился в состоянии несовершеннолетия, заимствуя лишь внешние формы чужого просвещения. Еще в 1826 г. один из основателей первого русского философского кружка, куда входили и некоторые будущие славянофилы, – «Общества Любомудрия», – Д.В. Веневитинов заметил: «У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать отечественного: их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следовательно, в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия всё получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности» [28].

Спустя несколько десятилетий, словно бы в ответ и на упреки Д.В. Веневитинова, и на кантовский призыв пользоваться собственным разумом, один из ведущих идеологов славянофильства К.С. Аксаков напишет: «Гораздо легче принимать и повторять, хотя и с толком, чужие мысли, чем думать самому; гораздо удобнее роль смиренного последователя и ученика... чем роль самобытного деятеля, все подвергающего собственной критике... гораздо меньше труда быть несамостоятельным и гордо светиться чужим, заемным, дешево добытым блеском». В свойственной ему острой поле-

мической манере Аксаков заявлял: «Как человек, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого: так народ, не имеющий своего мнения или воззрения, не имеет никакого (следовательно, бесплоден и бесполезен)» [29, с. 201]. Русскому народу и человеку, по мысли славянофилов, необходимо не просто научиться пользоваться собственным умом, но и критически исследовать самого себя, свою сущность, границы своей свободы в мире и возможности их расширения. Только тогда Россия будет способна внести свой вклад в дело об-

щечеловеческого просвещения и движения по пути нравственного и политического прогресса.

Итак, развитие Просвещения в нашей стране можно рассматривать как прохождение определенного диалектического цикла, включающего в себя три стадии: первоначальная стихийная неразделенность всех сфер жизни и сознания человека и общества – модернизация и рационализация сознания, но, вместе с тем, некритическое восприятие чужого опыта – саморефлексия и формирование собственной культурно-цивилизационной идентичности.

Библиографический список

1. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта : в 3 т. М., 1991.
2. Кантор В.К. «Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М., 1997.
3. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М., 1994.
4. Янов А.Л. Россия и Европа, 1462–1921 : в 3 кн. Кн. 2: Загадка николаевской России, 1825–1855. М., 2007.
5. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М., 1998.
6. Ильин Н.П. Трагедия русской философии. М., 2008.
7. Кожин В.В. Грех и святость русской истории. М., 2006.
8. Корольков А.А. Русская духовная философия. Духовный смысл русской культуры. СПб., 2006.
9. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). М., 2020.
10. Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х –1990-х гг. : в 2 т. М., 2001.
11. Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания. М., 2002.
12. Холодный В.И. А.С. Хомяков и современность: Зарождение и перспектива соборной феноменологии. М., 2004.
13. Пустарнаков В.Ф. Еще раз о сущности философии русского Просвещения 1860-х гг. и впервые о его кризисе // История философии. 1999. № 4.
14. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002.
15. Перетягкин Г.Ф. Русское Просвещение и русская литература // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология Право. 2018. Т. 43, №1. DOI: 10.18413/2075-4566-2018-43-1-62-73.
16. Днепров Т.П. Консервативная и либеральная педагогические парадигмы в культурно-цивилизационной континуальной реальности // Образование и наука. 2008. №9 (57).
17. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб., 1997.
18. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск, 2005.
19. Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004.
20. Come On! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты (из доклада Римского клуба). URL: <http://nbiks-nt.ru/2019/09/16/come-on-kapitalizm-blizorukost-naselenie-i-razrushenie-planet/>
21. Широкова М.А. Индивидуализм и толерантность как принципы политической этики либерализма // Сибирский философский журнал. 2018. Т. 16, № 3. DOI: 10.25205/2541-7517-2018-16-3-89-99.
22. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М., 2000.
23. Широкова М.А. Проблема оценки периода 30-х гг. XIX в. в истории формирования русского национального самосознания // Известия Алтайского гос. ун-та. Исторические науки и археология. 2018. №5 (103). DOI: 10.14258/izvasu(2018)5-15.
24. Широкова М.А. Концепция славянофилов как исторически первое философское выражение «русской идеи» // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы: коллективная монография. Т. 1. СПб., 2017.
25. Герцен А.И. Московский панславизм и русский европеизм // Герцен А.И. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1948.
26. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 6. Критика и публицистика. М., 1962.
27. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? URL: http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=344.
28. Веневитинов Д.В. Несколько мыслей в план журнала // Веневитинов Д.В. Стихотворения. Проза. М., 1980. URL: http://az.lib.ru/w/wenewitinow_d_w/text_0090-1.shtml
29. Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981.